

ОДНА СУДЬБА НА ДВОИХ

САЯНУ РАДНАЕВУ И ВЛАДИМИРУ БУРУЕВУ, СОЛИСТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА БУРЯТСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА, ПРИСВОЕНО ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ ЗАСЛУЖЕННЫХ АРТИСТОВ РСФСР.

МОСКВА. Центральные дом актера... Сюда, на одну из заключительных встреч с мастерами искусства Бурятия, собрался в один из нынешних майских вечеров, казалось, весь цвет театральной столицы: в зале сидели мхатовцы и бахтанговцы, ермоловцы и современниковцы... Здесь присутствовали представители всех театров столицы — столь высок был интерес театральной общественности к дням культуры Бурятия... Раздались аккорды фортепьяно, взятые концертмейстером Жанной Гобба, и зал, слышавший голоса не только лучших вокальных мастеров страны, а и звезд мирового вокала, наполнился раздольными мелодиями Забайкалья. Вокалисты наши в тот вечер пели вдохновенно, с подъемом, что называется, на одном дыхании. Оvation присутствующих вызвал Дугар Дашиев, великолепно прозвучало меццо Юлии Даниловой. Нина Манжеева, Леонард Шоболов, Ирина Кузьмина — один за другим на помосте сменялись певцы... А я с нетерпением ждал выхода моих друзей — Саяна и Володи. Как-то у них выйдет? Волнение мое можно было понять: если другие певцы имели за плечами высшую, консерваторскую, подготовку, то у двух земляков — лишь Улан-Удэнское училище и практика у своих заботливых старших друзей по театру... Таким образом, эти двое представляли, как мне думалось, чисто бурятскую вокальную школу.

И вот Саян Раднаев запел песню табунщика. И сразу исчезла внутренняя скованность, взгляд устремился вдаль, словно через тысячи верст он увидел родные бараганские куйтуну, на которых пасутся отары овец и табуны скакунов. Они, сверстники, в веселом гик несутся верхами по степному раздолью. За песней табунщика последовала ария из «Князя Игоря». Потом пел Владимир Буруев. И то же самое — народная песня и ария из оперы. Народная артистка СССР А. Зуева, помнится, восторженно заметила:

— Посмотрите, какая техника вокала и какая первозданность!
Улан-удэнские любители

оперного искусства давно заметили этих двух одаренных певцов. «Расскажите, пожалуйста, о певцах Раднаеве и Буруеве» — это из Кяхты. «Разрешите поблагодарить земляка артиста Буруева за отличный концерт» — из Курумкана. Таких писем в редакцию приходит немало.

В нашем театре двум одаренным певцам принадлежит исполнение многих баритональных партий. Мужественно-прекрасный, тонко чувствующий князь Игорь, пылкий, страстный вождь искателей жемчуга Зурга, веселый, бешабашный тореадор Эскамильо в «Кармен» — работы Раднаева. Остроумный, находчивый весельчак Фигаро из «Севильского цирюльника», любящий брат Маргариты и смелый воин Валентин из «Фауста», мучительно ищущий, полный эмоциональных контрастов Онегин — такими представляет нам своих героев Буруев. Многое в их творчестве схоже, но в то же время, если взглянуть пристальнее, найдешь и различие. Раднаев, верно используя возможности своего голоса, стремится больше подчеркнуть в создаваемых характерах драматизм состояния, взрывчатость, порывистость героя. Буруев же, напротив, выявляет в сценическом образе лиризм, заостряет внимание на настроении, его переходы от одного душевного состояния к другому чувственно мягки, плавны, эластичны.

При всем разнообразии, разнохарактерности партий, имеющихся в арсенале певцов, при их еще очевидной молодости уже сейчас явственно проступает творческая индивидуальность каждого, своя манера, у каждого свои вокальные краски.

У каждого артиста есть своя примечательная творческая веха: покорение трудной роли, долгожданное признание публики. Для молодых певцов памятной остается поездка в Москву в 1967 году. Событие, конечно же, было знаменательное, оно воспринималось как важная ступень творческого возмужания — Союз композиторов России пригласил тогда в Москву певцов и музыкантов театра на вечера бурятской камерной музыки. Среди солистов были Саян и Владимир. Для них это была вообще вторая в жизни поездка в столицу. А тут — концертный зал Союза композиторов! Слушатели — самые авторитетные знатоки. Композиторы Хренников, Свиридов, Ференс. Печеские звезды Большого театра: Лисичан, Кривченя, Атлантов. Их на-

ставник Л. Л. Линховоин вспоминает то время:

— Помню, когда ребята заехали дуэтом нашу национальную «Селенгу», Свиридов спросил: «Какую консерваторию окончили эти молодые люди?» Очень был удивлен, узнав, что у ребят за плечами лишь музыкальное училище. Наши, говорю, доморощенные... «Вы подумайте!» — восторгался композитор. — Да у вас надежный резерв. Смотри, какие красивые баритоны. Тут и хорошая постановка голоса, и тембр, и культура исполнения...» Кривченя, слышавший наш разговор, добавил: «Верно, верно. Резерв певческий у вас в театре завидный». И, улынувшись, пошутил: «Город-то вам вернее бы называть Милан-Удэ, а не Улан-Удэ».

Л ХАСАРАН Лодонович понял, что знаменитости, может быть, несколько преувеличивали достижения его учеников: ребятам предстояла еще кропотливая, напряженная работа, чтобы подняться до такой похвалы. Они еще стеснялись, но не стали подлинными мастерами вокала. И все-таки радовался: вот и эти двое, еще недавно безвестные, улусные парни из долины Курумкана, обрели признание... Припомнил известный певец и опытный педагог, как лет пятнадцать назад пришли к нему на пробу два неуклюжих, угловатых паренька.

— Ну, учиться музыке надумали? — с интересом рассматривая сухопарого Саяна, спросил Линховоин.

— Не я, — поправился Раднаев. — Это вот друг мой... Володька. На певца поступить хочет. Я-то уже поступил в сельхозинститут — вчера последний экзамен сдал... А у Володи здоровье неважное, ему в артисты надо...

Лхасарану Лодоновичу стало весело от столь категорического заявления, он широко рассмеялся: чем-то приглянулся пареньки ему. «Значит, по состоянию здоровья — в артисты. Интересно! Ну что ж, давайте попробуем».

— Вокальные данные, конечно, у них еле-еле просматривались, — вспоминает Линховоин. — У Буруева не было дыхания. Саян (я заодно и его послушал) типично подступенному, горлом, стараясь под Козловского, запел «Вдоль по улице метелица метет». Но что-то в них заинтересовало меня. Внешние данные, может быть. В голосе что-то нашел. Рискунул, взял к себе в класс. А года через два увидел, что не ошибся.

Вот так два деревенских паренька из одного улуса Бараган начали путь к богатой музыкальной Бородина, к великой оперной классике Чайковского.

ТРУД оперного певца — это крутое, ежедневное восхождение к вершине. До седьмого пота сольфеджио, ежeminутное вхождение в образы — это труд, труд. Без передышки. «Солист оперы, — учит своих молодых питомцев народный артист Советского Союза Л. Линховоин, — должен сохранять свой голос в постоянной «боевой» готовности. А такое достигается только трудом».

— Нам повезло, что мы с Саяном попали к Лхасарану Лодоновичу, — рассказывает Владимир. — Он нас открыл, вывостовал... Да и сейчас. Вот захандришь, вроде бы вышел из формы — к нему: «Лхаса Лодонович, не могу сегодня петь». Подойдет к роялю, возьмет аккорд: «Ну-ка, дай вот это». Спеть, а он пробасит весело: «Ого-го-го! Да ты сидел, как лев». И, ободренный, тут же почувствуешь прилив вдохновения. Известный певец, с нами он как старший товарищ. С ним легко. Порой кажется, что он больше печется о нас, чем о себе. Когда с ним на сцене, чувствуешь, что все пройдет хорошо. Он никогда не давит тебя мощью своего таланта, а как бы дает дорогу тебе... Наверное, в том, чего мы с Саяном достигли на сцене, — заслуга главным образом Лхасы Лодоновича...».

Творческий поиск певца — это систематическое расширение своего репертуара. Не по указанию художественного совета — по собственной потребности, для утоления творческой жажды собственной души.

Помните, на гастролях в Хабаровске произошел случай, подтвердивший, что успех и признание не опьянили артистов, они лишь утратили силы для дальнейшей работы... В тот вечер Владимир был свободен от спектакля, позволил себе немного расслабиться. На сцене шла «Русалка». Уже отыграны были первые картины, как неожиданно с одной из певцов случилась беда: она заболела. Надеюсь, все-таки спеть партию, но болезнь осложнилась, пропал голос. Что делать? Самые трудные минуты театра. Дати занавес. Чем заменить спектакль? И тут кто-то предложил — «Севильским цирюльником». А кто — Фигаро?

— Буруев!
Через сорок минут «Севильский цирюльник» уже совершал свои веселые действия на сцене. Буруев спел свою партию вдохновенно, с подъемом. Благодарные зрители тепло награждали искристого проказника Фигаро — Буруева аплодисментами.
Я спросил Владимира о самой трудной его партии. Он ответил:

— Конечно, Онегин. Дело тут не в локальной сложности, хотя и этот фактор тоже главный. Трудность в том, что мне, буряту, надо дать такого Онегина, чтобы зритель не почувствовал разницы между мной и Евгением, надо петь и играть так, чтобы получился истинно русский Онегин. Спектакль вроде бы принимается неплохо... Но сам-то я чувствую, что не довел образ еще до «кондиции».

— А мне неизмеримо сложно, — вставляет Саян, — с Игорем. Спектакль у нас в театре живет давно. Игорь был разным. Владимир Манкетов, к примеру, трактовал Игоря как человека волевого, храброго, решительного, лишь волей обстоятельств оказавшегося в трудном положении. У Белова же (бывший солист нашего театра) — это был интеллигентный богатырь. Мне же хотелось увидеть в Игоре что-то свое. Я подумал: князь — не только горячий патриот родины, неподкупный воин, но и любящий муж, заботливый отец. Короче говоря, наделить бы Игоря такими чертами, чтобы он предстал перед зрителем не как быллинный богатырь, сошедший со сказочной картинки, а просто человек, со всеми страданиями, переживаниями, горестями, радостями. Что все забыты Игоревы, все его печали стали бы близки, понятны нам, что душевное состояние моего князя — оно не чуждо и нам — вот чего мне хочется достичь в Игоре...

Заслуженная артистка Российской Федерации Вера Данишевна Лыгденова шутит по поводу друзей:

— Они — одной судьбы! Из одного улуса. Друзья с детства. В одно время стали артистами. Враз женились. Им и звание присваивают всегда вместе. Одновременно они получили заслуженных республикан. Потом враз стали народными. А теперь вот — заслуженные РСФСР.

ДУМАЛИ ли две соседки из далекого улуса Бараган, снаряжая сыновей в город, о том, что повесит два стальных орла на крыльях таланта радость большого искусства. А двое одноулусников, воевавшие свежими байкальскими ветрами, обогретье вниманием умного педагога, от односторонней бурятской песни возносятся все выше к вокальным вершинам классической музыки. Подъем этот нелегко. Но, судя по их неустанным творческим поискам, Раднаев и Буруев на верном пути.

Плодотворным для артистов был прошедший сезон. Саян пригостил партию Григория Мелехова в одноименной опере Дзержинского, а Владимир покорила мировую музыкальную высоту с опере Моцарта «Дон Жуан». В нынешнем только что открывшемся сезоне мы услышим их сильные голоса в новых премьерках. Хочется пожелать двум певцам еще больших успехов на их верном пути.

Ю. ИГУМНОВ.